

О любимом театре

В жизни нового спектакля Московский Художественный театр всегда испытывалось такое же чувство, какое возникает перед выходом нового романа любимого писателя. Жизнь духовного открытия, судимости, угасания, какие человеческие судьбы пройдут перед тобой, какую мысль унесешь из театра. И за это оживание, за то, что оно так часто не было обманутым, прощались театру его материальность, не упрекали за неуцук; вершили — за неуцук — появлялись спектакли, который оставят в памяти глубокий след.

В одном из писем к Чехову Горький сравнивал Художественный театр с архитектурой храма Василия Блаженного, с Греческой галереей, со всем лучшим, что создано русской культурой за многие века. Своим более чем пятидесятилетним творческим работой МХАТ доказал верность и правоту своих суждений. Он сумел создать уникальную школу, образец советского театрального искусства, по сравнению с которым его лучшие нации театра, которому нет равных по силе и богатству труппы, по выразительной культуре сценической работы. В репертуаре Художественного театра живут и составляют нам радость величайшие творения, классические и современные, в которых мы видим высшее эстетическое искусство. Среди них и поставленные более полувека назад «На дне» М. Горького, «Внешний мир» А. Чехова и спектакли, созданные в советское время: «Горюче сердце» А. Островского, «Враги» М. Горького, «Платон Кречет» А. Корнейчука, «Анна Каренина» М. Володина, «Семь лет» А. Бронте, «В чем дело?» В. Шаврова, «Пять минут» Я. Тоготова.

Лучшие мхатовские спектакли принесли Художественному театру славу и горячую любовь советских зрителей. И если в течение последних сезонов театр испытывает серьезные творческие затруднения, это не может не вызвать у нас тревоги.

«Плоды просвещения» были поставлены около трех лет назад. С тех пор театр показал пять новых работ: «Залп Авроры», «Ломоносов», «Дачники», «Ангел-хранитель из Небраски», «За власть Советов».

Нельзя не порадоваться тому, что лучший наш театр вновь обратился к

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА
13 июля 1954 г. № 53

Горькому, решил показать события Великого Октября и Великой Отечественной войны, поставил свое искусство на службу обвинению американской раскни.

Однако тематика спектакля — это лишь одна сторона дела; какими художественными средствами, а какой мерой совершенства воплощает театр жизнь, — вот что не менее важно. А когда мы говорим о Художественном театре, то мера эта должна быть очень высокой, потому что, кому много дано, с того много и спросится...

И вот, восстанавливая в памяти мхатовские спектакли последних лет, видишь, что среди них есть более и менее удачные, но нет такого, который бы явился художественным событием, стал бы в центре сезона.

Многие ждали от «Дачников» Теа, что залит Художественный театр и верит в него, надеялись, что поставлено замечательных пьес, не шедшей ранее на михайловской сцене, предложит и творчески обогатит жизнь «Мещан», «на дне», «Вранж», «Сестры» и т. д. Но в «Дачниках» Горького драматургия в Художественном театре. Надежды не оправдались. Несмотря на три актерских удач, спектакль не вызволял зрителей. Бытовые картины дачной жизни, которые оказались в центре внимания режиссера, не поднимали интереса к пьесе. Неудача Горького, так не удалось выразить острейкое чувство между «дачными» и жизнью мещанина в объяснении — в жизни дела, жизни сферовой мысли. Выступление Власа, Марии Ивановны против Басова, Суслова. Мещанина не выносило за пределы пьесы. Мещанин не был в пьесе не на протяжении жизни. И спектакль, который стал в ряд так называемых «проходных»

Пропустимо, що, думається, тому, що на разі раз укліяє режисерів в авторів складати на сцені правдиві картини життя не била кожен з них (говори славний Сталинського) свідчає, що, не била особливо більший ніж гоубольської пасси. Не єше обидве, как жинє калється, друге. Некоторые мхатовские спектакли змалешають от самог, что театр постои казывается от думало, что в своем искусстве: будто нехитер в права армянские мхатовские спектакли несли в себя, будто бытуют на выхузу на выхузу простого переживания и мхатовские не просто своего искусства. Так, совсем не по-мхатовские поставлен «Домоносов», спектакль, за театральные постановки мхатовские

рого теряется человек, его духовный мир. Так чуждым искусству Художественного театра кажется мне врен в сторону иллюстративности, который с очевидностью заметился в спектаклях «Залп Амуров» и «За власть Советов».

Было бы неверно возражать против желания Художественного театра расширить творческие рамки своего искусства, обратиться к такому жанру, как драматическая хроника, хотя, конечно, жалеем, что театр не работает там, где он сильнее всего и где зрители меньше от него ждут больше всего: в передаче внутреннего мира современных, в драме, глубоко раскрывающей психологию героев.

«Баян «Алсура» М. Болшмидова и М. Чмураева — это картина, причем картина, драматургически весьма слабая, состоящая из отдельных эпизодов времени подготовки Октябрьского штурма. Интересное смотреть этой спектаклю, интересно потому, что в нем воссозданы картины революции. Такой спектакль нужен, нужен в особенности нашей молодежи, ибо героические картины революционной поры воспитывают зрителей, имеют большую политическую ценность. В спектакле это особенно слышно. Спектакль имеет политические роли, прекрасные оформления и поставленные массовые сцены. Апологизатор зрителей вызывает волнующую агрессию Ленина с петиционером рабочими и моряками из Финляндского флота, проповедь революционных бойцов на штурм Зимнего

И все же при некоторых небесных достоинствах этого спектакля возникает вопрос: почему Художественный театр, так требовательно относящийся к драматургии, признавший драматическим произведением только ту пьесу, в которой, говоря словами Станиславского, раскрывается «жизнь человеческого духа», поставил хроникальные, иллюстративные сценки, где народ — движущаяся сила истории — выглядит безликой массой, где нет внутреннего жизни героев, где так многое напоминает отвлеченно выполненные живые куклы?

«...прежде всего, — говорил Станиславский, — надо показать тридцать лет назад, — надо показать, что сделала революция в человеке. Надо показывать на сцене революцию через толпы народа, шумные с флагами, надо показывать революцию через душу человека». Этот завет основателя театра не выполняли его ученики, работавшие над спектаклем, посвященным Октябрьским дням.

бог театра, и в том числе грех вальсности. Тут прежде всего от драматургов этих вещей. Но ведь высокая, бескомпромиссная требовательность к драматургии, тщательный отбор пьес и неустанная — художественная и педагогическая — работа с писателем составляли один из важнейших принципов искусства Художественного театра. Именно поэтому на его сцену редко попадали плохие драматические произведения, именно поэтому многие советские драматурги, пользовавшиеся выражением А. Афанасьева, учились в творческом университете Художественного театра.

Учился в нем и В. Катаев. Надо думать, что творческое общение с Художественным театром, со Станиславским в Немирович-Данченко помогло ему не только как драматургу, но и как прозаику. В сожалении, в последней драматической работе — инсценировке романа «За власть Советов» — писатель пошел по пути механического переложения своего романа в пьесу, а театр удовлетворялся серией сценических вальсов-страдий к произведению прозы.

Углубив в анализистичности проясковала ясная не домысливаем требованием единства сюжета. Мы знаем немало произведений с рыхлым сюжетом, плес в инсценировке, где порой можно толковать местами картины и даже без ущерба целому убрать ту или иную сцену. Конечно, это плохо, конечно, такие вещи появляются в результате недостаточного мастерства и забывания жанровых признаков драматургии. Но даже при столь существенных недостатках, как правило, живые, убедительные своим масштабом, правдой и глубиной характеры, если нам интересно следить за судьбами героев, на мы прочтем, писателя или драматургические просмотры. Недавно, например, Московский театр имени Маяковского поставил спектакль «Семья Жуковских» по роману В. Кочетова; в этом спектакле резко обнулить обычные приемы инсценировки —

поэтому в реальности, случайности в постановках и выставках картин, неадекватность некоторых образов, но тем не менее мы с возрастающим влиянием склоняем за различные действия, ибо нас волнуют судьбы, мысли и чувства главных героев. Есть подобные примеры и в искусстве Художественного театра. Разве можно признать «Анну Каренину» в исполнении Е. В. Волкова совершенным драматическим произведением? Конечно, нет. Но в спектакле есть мысль и атмосфера толстовского романа, есть незабываемые образы, и он по праву живет вложив в сердца зрителей.

Другое — в спектакле. Художественного театра «за власть Советов», поставленном в минувшем сезоне. Чирюпиновым, старшим Бачей, Сивилихи-Желаным, Дружинин, Святослав Марченко — все эти лица романа запомнились нам, как живые, полновольные люди. Но что стало с ними в пьесе и спектакле? Почему они так потусквели, превратились в схемы, в плоские тени, живых людей заменили мертвые типы? Почему так насильно заставлял их перейти из романа в пьесу, не позабавившись о том, как и чем возместить утраченные живые черты, возникающие в романе — в раздумьях героев, в авторских размышлениях о них и свершаемых ими делах, в юридическом строе произведений. В итоге «за власть Советов» сохранились лишь сюжетный каркас, детали, а действующие лица превратились в аттракцион, в набор, в возможность сосредоточить внимание на самом важном, самом интересном — на том, что происходит в их душах.

В спектакле «Художественный театр» (постановка М. Бедрова, режиссеры Н. Горчаков и Г. Герасимов), художник М. Плеханов) есть четыре поставленные сцены (в особенности, сцена в коммюнистическом магазине), талантливо сыгранные роли. Разумеется, убогая эстетика В. Валентинова, но зато — прекрасная сыгранность. Перечислю кратко. Мы видим как совсем еще девочка в нечеловечески трудных условиях народной борьбы с врагом превращается в активного и самостоятельного солдата, как вместе с первой лейтенантской женой пробулдывает в ней огромные трудности предстоит пережить, как героиня М. Титовой, играющей и спектакле роль Матери Терезины. Создавая правдивый характер обыкновенной советской женщины, артистка в некоторых сценах доминировала по подлинно трагическим выразительным особенностям. Сын Челюшкин Хорослов хорошо играет С. Блиновского в Давиде ступающем на яву, также женские краски В. Трошина в роли Чичилова...

Однако, и в радости эти удачи, они не делают погоды. Приняв к постановке драматургически слабое произведение, театр не нашел путей углубить его и повторил на сцене недостатки пьесы.

Нельзя не любить всей душой прекрасное, жгуще-радостное, многогранное зрелище А. Гунбова, но в этом спектакле усталости артиста, игравшего Гаврика Червоиза, не увеличилась успешю. По сцене ходит курьер человек. Нет усталости, восторга, радости, нет, так же, как и

вается душа этого стойкого бозьшевизна, не понятно, почему такой герой пропал к нему советские люди: за поступками Черноваленко не видно человека огромного духовного богатства, агрессивного оптимизма, ласковой любви к людям, светлого шмора. Лишены живых черт Бачев в исполнении И. Свободина и капитан Дружинин, которого играет И. Терешин. И просто унылым был на ихтовской сцене кажется Сянычак-Железняк (артист Б. Болзаник) — настолько риторичен и искусственен этот персонаж.

Отчего так произошло, отчего главные герои оказываются в спектакле неудачными? Думаю, дело не только в недостатках пьесы и неудачах, от которых не гарантировал ни один актер. Плохо то, что в спектакле слышались ноты равнодушия, ощущалась сопереживательность и полнота в теме.

За исключением немногих спяв, нет в нем непосредственной живописности, поэтичности, а есть жалкие талантушки-вишневостов более или менее точно записывающие события в одесских катакомбах. Отсюда, повинуясь, количество многих отсюда, отсюда полчернуха бытовая декорация катакомб. И не спаса даже попытка связать разрозненные сюжеты и придать спектаклю романтическое звучание путем рассказов героев перед занавесом о себе и о событиях. Это наконец ушиб! — все того же ленивого плетия героини, а набокс кривоперый лишь отсюда привнесший бытовых основных сюжет спектакля.

Иллюстративность противоположна искусству. А в этом спектакле она стала основным принципом.

[illegible]